

V. Собственность

Прежде, чем продолжать изложение наших взглядов, не лишним будет рассмотреть те учреждения, к уничтожению которых мы стремимся, те основы, на которых покоится современное буржуазное общество, и объективную ценность этих основ; вместе с тем мы увидим, почему нельзя преобразовать общество, не изменив всей его организации целиком и почему, пока это изменение не совершится, никакое улучшение в нем не будет действительно. Мы увидим вместе с тем, какие именно причины заставили нас сделаться анархистами и революционерами.

Защита частной собственности и её передача по наследству – вот основы современного общественного строя. Из неё вытекает правительственная власть, современная семья, судебная власть, армия, – все эти гнетущие и разоряющие нас учреждения. Есть еще религия, но мы не будем заниматься ей: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставим мертвых в покое.

Мы не имеем в виду дать исторический обзор развития собственности: социалисты всех фракций уже делали это много раз и вполне доказали, что она есть ничто иное, как результат воровства, обмана или пользования правом сильного. Нам остается только привести некоторые факты в доказательство её несправедливости и показать, что именно от неё происходят все те бедствия, от которых мы страдаем. Вместе с тем, мы увидим, что все предложенные реформы – не более как приманки, способные только усыпить эксплуатируемых, и что для устранения существующего зла нужно уничтожить его в самом его источнике – собственности и капитализме.

Современная наука показала нам, что земля образовалась из космического вещества, отделившегося от солнечной туманности. Вследствие вращения вокруг своей оси и вокруг центрального светила это ядро сгустилось и, как детище солнца, начало, подобно произведшему его светилу, светить собственным светом в виде маленькой звезды среди млечного пути. Позднее, масса его охладилась, перешла из газообразного состояния в жидкое и полужидкое, а затем, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этом газы, находившиеся в раскаленной массе, образовали между собой различные соединения и дали начало тому основному материалу, который входит в состав земли – минералам, металлам, атмосферным газам.

По мере того, как земля все больше и больше охлаждалась, действие воды и атмосферного воздуха на минералы давало начало слоям почвы; вместе с тем, соединение водорода, кислорода, углерода и азота произвело, в глубине вод, нечто вроде органической студенистой массы, не имевшей ни определенной формы, ни органов, ни сознания. Эта масса обладала, однако, способностью двигаться, выпуская из себя отростки в том направлении, в котором она хотела перемещаться, или, вернее, в котором на нее действовало известное притяжение, и способностью ассимилировать захваченные ей

посторонние тела и ими питаться; наконец, у неё была еще одна способность: делиться, по достижении известной ступени развития, на двое и таким образом давать начало новому организму, вполне сходному с первым.

Таково скромное начало существования человечества – настолько скромное, что лишь гораздо позднее, после долгой эволюции, после образования целого ряда типов в цепи живых существ, стало возможным отличить животное от растения. Проследить здесь весь ряд форм до человека значило бы изложить тот ход эволюции, который современная наука объясняет так ясно и так понятно для всякого непредубежденного человека. Нам остается только отослать к ней читателя, и самим воспользоваться лишь некоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обративших ее в свою собственную пользу и в пользу своих потомков, в ущерб, как менее благоприятно поставленным личностям, так и будущим поколениям.

Очевидно, что такое объяснение появления человека на земле разрушает все чудесные рассказы о его сотворении. В нем нет места ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силе; человек есть ничто иное, как продукт эволюции жизни земли, которая сама есть результат известного соединения газов, а эти газы, в свою очередь, прошли через целый ряд превращений, прежде чем, соединившись при надлежащей плотности и в надлежащих пропорциях, дали начало первому проявлению жизни. Но если мы устраним, таким образом, представление о сверхъестественном происхождении человека, то точно также теряет под собой почву и представление о божественном происхождении общества в том виде, в каком оно существует, с его разделением на богатых и бедных, на управляющих и управляемых. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своем сверхъестественном происхождении и державшаяся, по меньшей мере, постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже поддается под напором критики и грозит разрушиться; в настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и закон большинства. Она могла существовать только до тех пор, пока не подвергалась критике, а теперь, как мы увидим ниже, держится только благодаря силе. Мы можем поэтому сказать, что под влиянием этой критики собственность и власть постепенно умирают: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетом; то, что опирается только на силу, может точно также и быть разрушено силой.

Растение питается на счет минерального мира и атмосферы, животное – на счет растения и уже гораздо позднее – на счет других животных, но во всем этом нет никакой заранее изобретенной иерархии живых существ, никакого плана, созданного Творцом мира или Природой; взятой в отвлеченном смысле. Никем не предустановлено, чтобы растение должно было служить в пищу животному, животное и растение – в пищу человеку, а одна категория людей – быть слугами другой и доставлять этим избранным возможность наслаждаться жизнью. Во всем этом нет ничего кроме эволюции, совершающейся под влиянием естественных законов: сгущение газов дало начало минералам; питаться этими минералами мог только растительный мир, который, превращая их в органические вещества, сделал возможным впоследствии развитие жизни животной.

Если же мы признаем это эволюционное происхождение человека, то для нас станет очевидным, что и после появления на земле первых мыслящих существ, для облегчения их

дальнейшего развития не нужно было содействия никакого Провидения, никакого высшего существа, которое дало бы в удел одним власть над своими ближними, другим – собственность на землю, а большинству – нужду и лишения, повиновение своим господам и, как единственную функцию – работу в пользу этих последних.

Но дело в том, что *борьба за существование* была вначале единственной основой жизни; единственной заботой человека было съесть другого[11], чтобы не быть съеденным самому. Когда же люди начали бессознательно пользоваться иным, гораздо более высоким принципом, – принципом *ассоциации для совместной борьбы*, – то в образовавшемся таким образом обществе должно было неизбежно проявиться стремление к борьбе и господству, переданное человеку по наследству от предыдущих поколений. Личности, у которых это стремление было сильнее, взяла верх над теми, у которых оно было слабее. Установившаяся таким образом власть видоизменялась затем сообразно развитию человеческого ума; общественный строй подвергался различным превращениям соответственно тому, царили ли в обществе сила, религиозный дух, или коммерческий расчёт. В этих разнообразных формах власть удержалась до наших дней и будет держаться до тех пор, пока человек не избавится от своих ошибок и предрассудков, не завоюет себе независимость и не перестанет поработать других, из боязни быть самому поработанным более сильными.

Когда легенда о божественном происхождении власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазия постаралась дать им другую основу, более прочную и более естественную. Политико-экономы возвели в «естественные законы» те факты общественной жизни, которые в действительности происходят от плохой организации общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь следствиями, и украсили все эти нелепости названием науки. Чтобы узаконить самые безобразные общественные преступления, самую страшную эксплуатацию со стороны капитализма, они хотели свалить всю вину в существующей бедности на самих же бедняков; они возвели в закон самосохранения общества самый уродливый эгоизм, который, как мы видели выше, может вести лишь к общественным столкновениям, к трате сил и общественному регрессу, – если только он не смягчается другим, более развивающим и более гуманным началом – солидарностью.

Буржуазное общество основано на капитале, а этот последний является в форме денег; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую он играет в производстве и обмене, политико-экономы включают в понятие о капитале все. Человек, который женится и производит на свет детей, затрачивает капитал, но вместе с тем и создает его вновь, потому что ребенок, когда он вырастет, сделается в свою очередь капиталом! Мышечная сила, которую рабочий тратит в производстве есть капитал! Заметим, что помимо своих рук рабочие всегда вносят в свою работу – какова бы она ни была – и известное количество умственного труда, часто превышающее соответственный труд предпринимателя; но так как, в таком случае, пришлось бы считать на долю рабочих двойную пропорцию капитала, а это стеснило бы политико-экономов в их расчётах, то они и обходят этот факт молчаливым.

Но так как сведением всей человеческой деятельности на понятие о капитале все-таки нельзя объяснить происхождение капитала, то они и изобрели следующее: «капитал – это та доля приобретенного трудом, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а

сберегли в виду будущих потребностей.» И вот здесь-то интересно сделать некоторый расчёт.

Всякий капитал, пущенный в оборот, говорят политико-экономы, должен принести: 1) известную сумму, равную затраченной, чтобы целиком восстановиться, и 2) известную прибыль, представляющую как бы страховую премию за риск, которому подвергается капитал. А так как рабочий, которому платят за его труд, ничем не рискует, то он имеет право лишь на первую долю, которая даст ему возможность возместить потраченный им капитал, т. е. питаться, одеваться, иметь помещение и вообще восстанавливать свои силы. Иметь детей он должен не больше, чем позволяет ему избыток его заработка.

Что же касается хозяина, то это – дело совсем другое. Он вносит прежде всего первоначальный капитал, который идет на плату рабочим и на необходимые покупки и представляет собой сумму тех удовольствий, которых он лишал себя в прошлом. Как и капитал рабочего, этот капитал должен прежде всего восстановить самого себя и кроме того принести еще страховую премию за риск; эта премия составит прибыль эксплуататора. Кроме того, если дело идет о промышленном предприятии, то в него вкладывается еще и стоимость построек и машин, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премию. Мало того: его ум, тоже представляет собой капитал, и капитал не малый. Капиталист должен суметь выгодно поместить свой капитал, должен уметь управлять своими делами и само собой узнавать, какие предметы выгоднее производить, где существует на них спрос и т. п. Этот третий капитал тоже должен быть возвращен ему из его предприятия. Прибавьте к этому, что, если предприниматель – инженер, ученый, врач, то вознаграждение должно быть еще гораздо больше, потому что для образования этого капитала потребовалось много затрат, а, следовательно, и восстановление его стоит дороже.

Затем, раз только это тонкое различие между различными элементами, участвующими в производстве, установлено, то существующее распределение оказывается вполне справедливым: капиталист получает свои три доли из общего продукта – вот и все. Ведь рабочий получил свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегает, а затем вложит свои сбережения в какое-нибудь промышленное предприятие; тогда он тоже будет получать тройную долю. Если он хочет чего-нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратит бессмысленно своих денег по кабакам! Пусть не производит на свет так много детей! Борьба тяжела и человек должен уметь отказывать себе в удовольствиях в настоящем, если хочет увеличить их в будущем!

Решаются ли господа экономисты, толкующие нам об уме капиталистов, утверждать, что тот, кто наживает миллионы биржевой игрой, спекуляциями и монопольным захватом, тратит в миллион большую умственную силу, чем – я не говорю уже рабочий, которого можно считать артистом своего дела, – но даже самый простой рабочий, в самом обыденном ремесле? Возьмите любого рабочего – из тех, кому судьба наиболее благоприятствует, кто получает сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается без работы, никогда не болеет. Сможет ли этот рабочий жить той широкой жизнью, которой должны были бы пользоваться все, сможет ли он удовлетворять, продолжая работать, всем своим физическим и умственным потребностям? Да что об этом говорить: он не сможет

удовлетворить даже сотой доли своих потребностей, если даже они будут у него самые ограниченные, а если он захочет сберечь себе хоть что-нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать их. И все-таки, как бы он ни был бережлив, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы иметь возможность жить не работая. Сбережений, сделанных в производительную пору его жизни, едва хватит на пополнение того дефицита, который принесет с собой старость – если только он не получит наследства или, вообще, в его жизни не произойдет какой-нибудь счастливый случай, не имеющий ничего общего с трудом.

А сколько на одного такого привилегированного рабочего приходится бедняков, никогда не имеющих возможности утолить свой голод! Развитие машин дает возможность эксплуататорам уменьшить свой рабочий персонал; безработных рабочих, которые понижают заработную плату и увеличивают безработицу, становится все больше и больше; кроме того, заработок уменьшается еще вследствие болезней, так что, в конце концов, рабочий, пользующийся достатком, все больше и больше обращается в миф: он не только не может рассчитывать выбраться из нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоит все глубже и глубже погружаться в нее.

Представим себе теперь случай, когда такой достаточный рабочий, вместо того чтобы продолжать откладывать свои сбережения в виде денег, заводит, накопив некоторую сумму, собственное предприятие. Это точно также делается все менее и менее осуществимым, потому что применение машин требует соединения очень больших капиталов и не дает возможности существовать отдельному предпринимателю; но допустим, что это возможно и что наш самостоятельный рабочий-хозяин работает один. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человеческая способность представляет собой капитал, вложенный в предприятие и обогащающий её обладателя, то мы видим здесь человека, вложившего и денежный капитал, и капитал в виде рабочей силы, и капитал умственный; а так как ему при этом не с кем делиться, то очевидно его капитал должен скоро удесятериться, а сам он – сделаться миллионером.

В действительности же рабочих, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существует, а мелкий хозяин, нанимающий двух или трех человек, живет лишь очень немногим лучше своих рабочих, причем он должен работать столько же, как и они, если не больше, потому что ему постоянно грозят различные платежи; он не может рассчитывать ни на какое улучшение своего положения и должен считать себя счастливым, если ему удастся удержаться на высоте своего сравнительного благосостояния и избежать банкротства. Большие доходы, крупные состояния, широкая жизнь составляют привилегию только крупных собственников, крупных акционеров, крупных фабрикантов, крупных спекулянтов, которые сами не работают, а нанимают целые сотни рабочих. Это ясно показывает, что капитал – действительно накопленный труд, но только труд других, собравшийся в руках одного грабителя.

Самым лучшим доказательством основного недостатка нашей общественной организации является тот факт, что машины – этот величайший шаг вперед, результат всех накопленных знаний, переходивших из поколения в поколение, машины, которые должны были бы пойти на пользу всех человеческих существ, которым они облегчают жизнь, увеличивая их производительную силу и уменьшая труд – в действительности приносят рабочим только

усиление их нужды и лишения. Из употребления машин извлекают пользу одни капиталисты, потому что машины дают им возможность сокращать рабочий персонал и, кроме того, вследствие розни, устанавливающейся благодаря безработице между занятыми и незанятыми рабочими, понижают заработок первых, так как нужда заставляет их соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитания их самих и их семьи. Так называемые естественные законы оказываются, таким образом, нарушенными благодаря их же собственному действию, а это показывает, что если даже это и «законы», то, во всяком случае, не законы «естественные».

С другой стороны, очевидно и то, что при всех своих капиталах, при всех своих машинах, капиталисты не могли бы ровно ничего производить без помощи рабочих, тогда как рабочие, если бы они согласились между собой и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться без капиталистов. Но дело не в том. Мы хотим сделать из сказанного только тот вывод, что раз капиталисты не могут ничего достигнуть без помощи рабочих, то из этого следует, что самым важным фактором в производстве являются именно эти последние и что им должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходит, что эта доля идет, наоборот, капиталистам, что чем меньше они работают, тем больше получают, тогда как рабочие чем больше производят, тем больше усиливают безработицу и уменьшают свои шансы стать потребителями? Каким образом происходит, что чем больше магазины ломаются под тяжестью продуктов, тем больше производители умирают с голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источником всеобщего довольства, становится, наоборот, причиной бедности того, кто его создал?

Из сказанного мы видим, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатирует других. История человечества показывает нам, что эта форма собственности не существовала в первых человеческих обществах, а начала выделяться из общей собственности рода или клана лишь на гораздо более поздней ступени эволюции – одновременно с выделением семьи из первоначального смешения полов. Это, конечно, не могло бы считаться аргументом против её законности, если бы только она не была основана на произволе; мы хотим только показать этим, как мало цены имеют аргументы защитников буржуазии, утверждающих, что собственность существовала всегда в таком виде, как теперь.

Да кроме того, разве те люди, которые теперь так возмущаются против анархистов, собирающихся отобрать у них силой их собственность, церемонились сколько-нибудь в 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или, когда они обманывали надежды крестьян, которые взялись за дело и стали вешать аристократов-помещиков, разрушать замки и завладевать поместьями? Разве целью всех этих конфискаций и продаж – фиктивных или по непомерно дешевым ценам – не было ограбить в свою пользу как прежних собственников, так и крестьян, рассчитывавших также получить свою долю? Разве это не было простым проявлением права сильного, которое они только прикрывали законными формами? Разве это лишение собственности не было еще более несправедливым, чем наше – даже если признать, что наше несправедливо, что совершенно неверно? Оно совершалось не в пользу коллективности, а ради обогащения нескольких торгашей, которые поспешили объявить войну нападавшим на замки крестьянам и начали расстреливать их как разбойников. Поэтому, когда буржуазию хотят заставить отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабят: сама эта собственность есть продукт

кражи.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:07:26

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 октября 2025 15:46:10